Словесность и история. Журнал филологических и историко-культурных исследований
Словесность и история. 2026. № 3. С. 291–297
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2026-3-291-297
Научная статья

Texts and History. Journal of Philological, Historical and Cultural Studies
Slovesnost' i Istoriia, no. 3, 2026, 291–297
ISSN 2712-7591 (Print), ISSN 3034-4514 (Online)
Research Article

Б. А. Успенский

Boris A. Uspenskij

О ВЛАДИМИРЕ ИВАНОВИЧЕ МАЛЫШЕВЕ*

IN MEMORY OF VLADIMIR IVANOVICH MALYSHEV

Резюме. Публикация посвящена выдающемуся археографу XX в., создателю Древлехранилища Пушкинского Дома Владимиру Ивановичу Малышеву (1910–1976). Автор делится воспоминаниями о своем общении с В. И. Малышевым. В центре повествования защита В. И. Малышевым докторской диссертации в 1968 г. и несколько эпизодов из археографической работы ученого и его участия в боевых действиях в годы Великой Отечественной войны.
Ключевые слова: В. И. Малышев, Пушкинский Дом, археография, старообрядчество, мемуары.
Сведения об авторе: Борис Андреевич Успенский, доктор филологических наук, профессор, заведующий Лабораторией лингвосемиотических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, borisusp@gmail.com; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2018-587X.
Для цитирования: *Успенский Б. А.* О Владимире Ивановиче Малышеве // Словесность и история. 2026. № 3. С. 291–297.
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2026-3-291-297.

Abstract. The publication is dedicated to Vladimir Ivanovich Malyshev (1910–1976), an outstanding 20th-century archaeographer and the founder of the Repository of Ancient Manuscripts (*Drevlekhranilishche*) of the Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) in St. Petersburg. The author recalls his conversations with V. I. Malyshev. Along with several episodes from the scholar's archaeographic work and events during the Great Patriotic War, V. I. Malyshev's defense of his doctoral dissertation in 1968 represents the centerpiece of the memoirs.
Keywords: V. I. Malyshev, Pushkinskii Dom, archaeography, Old Believers, memoirs.
Information about the author: Boris A. Uspenskij, D. Sc. in Philology, professor, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, borisusp@gmail.com; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2018-587X.
Received: July 1, 2026. ***Approved***: July 30, 2026.
For citation: Uspenskij, B. A. (2026). 'In Memory of Vladimir Ivanovich Malyshev', *Slovesnost' i Istoriia* [*Texts and History*], 3, 291–297.

В 1968 г. Никита Ильич Толстой предложил мне поехать в Ленинград на защиту диссертации Владимира Ивановича Малышева, сказав, что у Владимира Ивановича можно будет остановиться. Я с удовольствием согласился.

* Публикуемый текст был написан Б. А. Успенским в июле 2023 г. для сборника воспоминаний о В. И. Малышеве (к 50-летию со дня его смерти) (составители Е. Д. Конусова и А. В. Пигин), подготовка которого в настоящее время завершается в Пушкинском Доме. — *Примеч. ред.*

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0 International

С Владимиром Ивановичем к тому времени я был заочно знаком: я занимался старообрядческим литургическим произношением (архаическим церковнославянским произношением, сохранившимся в беспоповских общинах), написал ему, и у нас завязалась переписка[1]. Теперь же мне предстояло с ним встретиться. Встреча эта мне очень запомнилась. Владимир Иванович сразу меня покорил: серьезное, неулыбающееся лицо, большие круглые очки на толстом носу, аккуратный пробор на голове — лицо мастерового или, может быть, протестантского пастора. Он был известен как запойный пьяница, хотя к тому времени, когда мы с ним познакомились, он уже «завязал»; при этом он сочувственно относился к пьяницам и выпивохам. Ю. М. Лотман как-то видел в Ленинграде такую сцену: зима, холод, промозглый ветер. Пьяный Владимир Иванович обеими руками стучится в воронок: «Подвези!» — «А вот я тебя сейчас подвезу!» — угрожающе раздается из воронка. «Нет, ты подвези, будь человеком!» — «Сейчас, сейчас тебя подвезу!» — и так далее. Замечательный диалог: казалось бы, один просит, а другой отвечает согласием; но на деле все иначе.

Похоже, что умение выпить могло помогать Владимиру Ивановичу в его профессиональной деятельности. Вот его собственный рассказ.

Осенью 1944 г. Владимир Иванович в составе действующей армии вошел в Ригу. При первой возможности он отправился в Московский форштадт, в Гребенщиковскую старообрядческую общину (брачных беспоповцев-поморцев). Старообрядцы радушно приняли русского офицера; он попросил показать ему библиотеку. Его отвели на колокольню (там по традиции помещалась библиотека), приставив к нему сопровождающего. Владимир Иванович без труда нашел рижский список «Слова о погибели Русской земли», который был еще в 1933 г. открыт Иваном Никифоровичем Заволоко (сам Иван Никифорович находился в это время в лагере; он был арестован в 1940 г., когда Латвия была присоединена к Советскому Союзу)[2]. Он взглянул на своего сопровождающего; у того был выразительный красный нос пьяницы. «Хорошо бы это самое, — сказал Владимир Иванович. — Вот деньги, сбегай». — «Я мигом», — отвечал тот. Оставшись один, Владимир Иванович ничтоже сумняшеся выдрал из рукописи листы со «Словом о погибели» и сунул в карман. Вернувшись в Ленинград, он их опубликовал [Малышев 1947а]. Сейчас они находятся в созданном им Древлехранилище Пушкинского Дома. «Я потом

[1] На меня большое впечатление в свое время произвела его статья: [Малышев 1949].

[2] Фотокопию найденного им списка И. Н. Заволоко передал Михаилу Горлину, переехавшему в 1933 г. из Берлина в Париж. Трагическая смерть Горлина (он погиб в немецком концлагере в 1944 г.) помешала ему опубликовать эту рукопись. Подготовленная им публикация вышла посмертно, одновременно с публикацией В. И. Малышева: [Gorlin].

покаялся перед рижскими старообрядцами, — сказал мне Владимир Иванович. — Они меня простили».

Удивительной — поистине уникальной — чертой характера Владимира Ивановича была его коммуникабельность: он был открыт для общения, со всеми он находил общий язык; врагов у него не было (и это в Пушкинском Доме, где все были на ножах!). Эта черта, несомненно, также способствовала его профессиональной деятельности: как умение выпить, так и предрасположенность к общению необыкновенно важны для археографа.

Рассказывали, что благодаря своему характеру во время войны он был назначен командиром женского штрафного батальона; se non è vero, è ben trovato... Но не нужно было находиться в женском штрафном батальоне, чтобы убедиться в этих качествах Владимира Ивановича: достаточно было оказаться в Пушкинском Доме.

Пушкинский Дом в те годы был откровенно антисемитским. Антисемиты ненавидели евреев, и евреи отвечали им тем же. Заодно антисемиты ненавидели и тех, кто поддерживал отношения с евреями. Можно сказать, таким образом, что были две партии: антисемитов и анти-антисемитов. Эти люди практически не общались друг с другом; между тем Владимир Иванович общался с теми и другими, и каждая из этих групп считала его своим человеком. Это было поразительно.

Защита Владимира Ивановича (на филологическом факультете Ленинградского университета) проходила очень торжественно. Зал был полон. После защиты все столь же торжественно направились в университетскую столовую, которая была арендована в этот вечер под банкет. Все было необычайно чинно, по-питерски. Гости шли длинной вереницей вдоль здания Двенадцати коллегий: сначала академики, потом члены-корреспонденты, за ними профессора, потом доктора наук, не имеющие профессорского звания, кандидаты наук и, наконец, все остальные — мелкой пташечкой. В таком же порядке, по ранжиру, все расселись в столовой; столы ломились от яств и выпивки. Рядом со мной оказался А. М. Панченко, которого я впервые увидел. Провозгласили тост за Владимира Ивановича, потом — за оппонентов, и вскоре водка исчезла со стола. Закуски по-прежнему оставалось вдоволь. Некоторое время спустя я пошел в уборную и обнаружил там Панченко, сидящего на стульчаке. «Выпить не хотите?» — предложил он. «Так ведь нечего», — говорю. «Вся выпивка здесь, — пояснил А. М. — Мы сюда перенесли. А то ведь всё выпьют», — резонно добавил он. Мы распили бутылку.

На банкете очень ярко проявилось то, о чем я говорил, — всеядность Владимира Ивановича. Там были люди совершенно несовместимые друг с другом. Наряду с учеными (среди которых было много евреев) там были

неприкрытые фашисты (например, Д. А. Жуков, который мог говорить только о евреях). Были также люди из КГБ, они познакомились с Владимиром Ивановичем, когда он участвовал в подготовке Международного съезда славистов в 1958 г.; Владимир Иванович произвел на них тогда большое впечатление, и они приехали из Москвы на его защиту. Это были молчаливые, улыбчивые люди. Позднее, когда все перепились, они очень профессионально укладывали в машины безжизненные тела перепившихся.

Вообще все перепились в стельку, причем как-то совершенно неожиданно. Помню бездыханное тело, которое, высоко подняв, несли к выходу офицеры КГБ (картина, напоминавшая заключительную сцену «Гамлета»). «Владимир Иванович, кто это?» — спросил я. «А это, Борис Андреевич, наш аспирант, — сообщил Владимир Иванович. — Занимается поэзией XVIII века. У него мама профессор. С ним несчастье случилось: в тюрьму попал» (кажется, он грабил квартиры, выдавая себя за сотрудника органов).

Владимир Иванович был прекрасным рассказчиком. Рассказывал он монотонно, даже как-то грустно, не улыбаясь, смотря в глаза собеседнику (слушателю) и поминутно обращаясь к нему по имени-отчеству. Мне запомнились два его рассказа.

В 1940 г., по окончании Ленинградского университета (он окончил его в 1939 г.), Владимир Иванович отправился в г. Семенов в археографическую экспедицию. Ходит по домам, спрашивает рукописи. Семенов, расположенный неподалеку от озера Светлояр, был центром керженских старообрядцев. От одной старухи он услышал: «Ты вот все книги рукописные собираешь, а какие книги были у нашего епископа!» — «Какого епископа?» — «Нашего епископа, которого власти ваши арестовали». — «Когда арестовали?» — спрашивает. «Да вот сейчас и арестовали». Владимир Иванович поспешил на городскую площадь и увидел там грузовик, окруженный вооруженной охраной; на нем сидел арестованный епископ с поникшей головой. Он обратился к начальнику, представился, спросил о рукописях. «Были какие-то сочинения, — сказал начальник, — мы их посмотрели, они для Советской власти опасности не представляют, все божественные». — «А где они?» — «В сарай сложили». Владимир Иванович предъявил командировочное удостоверение из Академии наук и попросил разрешения эти рукописи забрать. Разрешение ему было дано, он перевез их в Ленинград и передал в Библиотеку Академии наук, где был образован фонд Семеновского райотдела НКВД[3].

[3] В статье о рукописных собраниях Петрозаводска и Тобольска Владимир Иванович мимоходом упоминает об этой поездке: «В июне 1940 г. в г. Семенове и селе Воскресенье (на озере Светлояр) Горьковской области я собрал для Библиотеки АН СССР 51 рукопись XVI–XIX вв. („Семе-

Прошло много лет. Как-то после войны Владимир Иванович оказался в Москве, на Рогожском кладбище. К тому времени вышли первые его публикации о протопопе Аввакуме, старообрядцы их знали, и он был приглашен на трапезу к архиепископу; как почетного гостя, его посадили рядом с владыкой. Разговорились, архиепископ и говорит: «Эх, Владимир Иванович! и я собирал рукописи в Семенове, когда был молодым еще епископом. Знали бы вы, какое у меня было собрание! И куда все делось...» — «А я, Борис Андреевич, сижу, молчу, ничего не говорю», — заключил свой рассказ Владимир Иванович.

«Или вот еще случай был...» — вспомнил Владимир Иванович и рассказал другую, похожую историю. Дело было во время войны, Владимир Иванович служил в войсках, оборонявших Ленинград. Бои шли на окраине города. Впереди были немцы, а между немцами и нашими войсками торчала роскошная загородная дача, ужасно Владимира Ивановича раздражавшая. «Ребята, — говорит он своим солдатам, — уберите мне эту дачу, она мне мешает. Я из-за нее немцев не вижу». — «Будет сделано», — отвечают солдаты. Поползли по-пластунски, зажгли бикфордов шнур, отползли, спрятались — дача вспыхнула как карточный домик и мгновенно сгорела дотла.

Прошло много лет. Как-то после войны Владимир Иванович оказался в ленинградском Доме композиторов, познакомился с одним известным композитором. Разговорились. «Ах, Владимир Иванович, Владимир Иванович, — говорит композитор. — если бы вы знали, какой у меня до войны загородный дом был! Чудо, а не дом! И даже следа от него не осталось — как корова языком слизнула». — «А я, Борис Андреевич, молчу. Я ничего не говорю», — сказал Владимир Иванович и посмотрел на меня испуганно.

Кто был этот композитор, я не знаю. Что же касается старообрядческого архиепископа, то им был, со всей очевидностью, Иринарх (Парфенов) (1881–1952). В 1928 г. он был рукоположен в старообрядческого епископа Самарского и Уфимского, в 1932 г. арестован, в 1936 г. освобожден, а в апреле 1941 г. стал архиепископом Московским и всея Руси. Сменивший его в 1952 г. архиепископ Флавиан (Слесарев) репрессиям не подвергался. Следующий архиепископ, Иосиф (Моржаков), был арестован в 1935 г., но в 1940 г. он еще не был архиереем; епископом (Кишиневским) он стал в 1945 г., а архиепископом — в 1961 г. Таким образом, речь могла идти только о владыке Иринархе.

После освобождения из заключения Иринарх какое-то время жил, видимо, в Семенове; данных о его проживании в Семенове нет, но это единственное возможное объяснение. Семеновской епархии никогда не существовало;

новское собрание")»; при этом сообщается об описи этих рукописей, составленной М. Н. Мурзановой [Малышев 1947b, с. 154, примеч. 1]. О НКВД по понятным причинам здесь ничего не говорится.

формально он оставался епископом Самарским (окормляющим заволжских старообрядцев)[4].

Рукописи, привезенные Владимиром Ивановичем в августе 1940 г. в Библиотеку Академии наук (51 единица хранения), поступили в собрание Текущих поступлений, но были известны как собрание Семеновского районного отделения НКВД [Исторический очерк, с. 55, 196; Кукушкина, с. 403]; в 1985 г. они были выделены в самостоятельное собрание (под тем же названием). Как сообщила мне М. В. Корогодина, в БАН считали, что сотрудники НКВД собрали и сохранили эти рукописи. Вот что значится в описи собрания: «В Семеновском районе Горьковской области, среди оставленного владельцами имущества, оказался ряд рукописей, сохраненных Семеновским районным Отделом Народного Комиссариата Внутренних Дел...»[5] Как тут не вспомнить стихи Мандельштама: «Где вы, трое славных ребят из железных ворот ГПУ?»

Литература

Исторический очерк — Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук / Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Вып. 2: XIX–XX века. 400 с.

Кукушкина — *Кукушкина М. В.* Рукописи Библиотеки Академии наук СССР, собранные при участии В. И. Малышева // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома. Л.: Наука, 1972. С. 401–405.

Малышев 1947a — *Малышев В. И.* Житие Александра Невского: (По рукописи середины XVI в. Гребенщиковской старообрядческой общины в г. Риге) // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. Т. 5. С. 185–193.

Малышев 1947b — *Малышев В. И.* Заметки о рукописных собраниях Петрозаводска и Тобольска // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. Т. 5. С. 149–158.

Малышев 1948 — *Малышев В. И.* Усть-Цилемское предание о протопопе Аввакуме // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. 6. С. 372–375.

Малышев 1949 — *Малышев В. И.* Как писали рукописи в Поморье в конце XIX — начале XX в.: (К вопросу об изучении техники и быта поморского книгописца) // Известия Карело-Финской научно-исследовательской базы АН СССР. Петрозаводск, 1949. № 1. С. 73–84.

Малышев 1951a — *Малышев В. И.* Заметка о рукописных списках Жития протопопа Аввакума: (Материалы для библиографии) // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 8. С. 379–391.

[4] Архиепископ Иринарх мог знать о следующих сочинениях Владимира Ивановича, посвященных Аввакуму: [Малышев 1948; 1951a, b].

[5] Пользуясь случаем, благодарю Марию Владимировну Корогодину за предоставленные ею сведения и ценные указания.

Малышев 1951b — *Малышев В. И.* Три неизвестных сочинения протопопа Аввакума и новые документы о нем // Доклады и сообщения Филологического института Ленинградского государственного университета. Л., 1951. Вып. 3. С. 255–266.

Gorlin — *Gorlin M.* Le Dit de la ruine de la terre Russe et de la mort du grand-prince Jaroslav // Revue des études slaves. 1947. T. 23, fasc. 1–4. P. 5–33.

References

Kukushkina, M. V. (1972). 'Rukopisi Biblioteki Akademii nauk SSSR, sobrannye pri uchastii V. I. Malysheva' ['Manuscripts from the Library of the USSR Academy of Sciences, Collected with the Participation of V. I. Malyshev'], in: *Rukopisnoe nasledie Drevnei Rusi. Po materialam Pushkinskogo Doma* [*The Manuscript Heritage of Old Russia. Based on Materials of the Pushkinskii Dom*]. Leningrad: Nauka Publ., 401–405. (In Russ.)